
Л. Кацис

Заметки читателя
историко-(анти)философской
литературы.
IV. Илья Зданевич («Философия»)
и антифилософия С. В. Кудрявцева

Речь у нас пойдет о книге, которая, с виду, никакого отношения к историко-философской литературе не имеет. Известный издатель авангардной и левацкой литературы, один из основателей «Гилеи» и «Фаланстера», московских магазинов и издательств интеллектуальной литературы, выпустил свою авторскую книгу: *С. Кудрявцев. Заумник в Царьграде. Итоги и дни путешествия И. М. Зданевича в Константинополь в 1920–1921 годах.* М., 2016. 216 с.

В предисловии автор сообщает: «Эта книга возникла из чрезвычайно разросшегося научного доклада, тема которого стала складываться довольно давно — еще когда я начал составлять том избранных работ Ильи Зданевича, вышедший в издательстве «Гилея» в 2008 году». Не будем гадать, о какой такой конференции, где можно было бы говорить о пребывании Ильи Зданевича в Константинополе до публикации константинопольских писем Прайсу¹, и «Философии» идет речь, если вся книга представляет

¹ *Ильезд (И. Зданевич). Письма Моргану Филипсу Прайсу / Предисл. Р. Гейро.* М., 2005.

собой анализ константинопольских маршрутов «Философии». В любом случае, 10-летняя работа над докладом вызывает оторопь и уважение.

С. Кудрявцев продолжает: «В обширном издании, подготовленном вместе с французским исследователем Режи́сом Гейро, я взял на себя и функцию комментатора основной, «константинопольской» части романа «Философия», пытаюсь прояснить исторические обстоятельства и разные детали, определяя реальные основания сюжетных линий и прообразы главных персонажей, разбирая авторские записи и пометы на оборотах листов рукописи». Здесь уже охватывает беспокойство: 1. С каких пор текстология стала комментарием? 2. Для какой научной конференции готовился чудовищно разросшийся доклад?

Книга, о которой идет речь, известна и названа на С. 186 рецензируемого издания: *И. М. Зданевич. Философия футуриста: Романы и заумные драмы / Предисл. Р. Гейро; подг. текста и коммент. Р. Гейро и С. Кудрявцева; сост. и общ. ред. С. Кудрявцева. М., 2008.* Нетрудно видеть, что функции соавторов здесь несколько отличаются от предисловия к рецензируемому изданию.

Далее С. Кудрявцев, не успевший, видимо, обработать своевременно чудовищно разросшийся доклад, продолжает, сообщив о не виданном никому разнообразии творческих проявлений тифлиско-константинопольско-парижачьего заумника: «У нас наиболее привычными и чаще исследуемыми до недавнего времени оставались Зданевич «дореволюционный» (для чего здесь кавычки? — Л. К.), опубликовавший первую монографию о Н. Гончаровой и М. Ларионове, и «тифлисский», напечатавший в столице Грузии в 1918–1920 годах почти весь свой заумный и типографический театр. После выставки французских издательских работ Ильязда, впервые прошедшей в Москве в минувшем (2015/2016. — *Ред.*) году, книжная сторона деятельности мастера, затмевающая в остальном мире прочие его идеи и открытия, стала актуализироваться в России,

вызвав восторг у образованных (так! — Л. К.) зрителей». Неужели эти «образованные» не удосужились повысить свой образовательный уровень чуть ранее выставки, переменившей все их представления о Зданевиче...

Следуем дальше: «Но «за бортом» репрезентации (надо понимать, так определяется неназванная выставка в ГМИИ. — Л. К.) неизбежно остались его проза и поэзия, которые так и продолжают находиться в ведении узкого круга литературоведов и филологов». Странно, что не названы эти граждане, незаконно захватившие у российского «образованного» читателя право читать том «Философия футуриста», выпущенный автором рецензируемого сочинения.

Но дальше — больше: «И последних это, кажется, вполне устраивает. Хотя понятно, что встреча всех Зданевичей вместе и разговор с читателями (кого: Зданевича или Кудрявцева? — Л. К.) без посредников (это «захватившие»? — Л. К.) — вопрос времени» (С. 7–8).

Здесь больше загадок, чем ответов. Для чего же пишется подобный текст, если даже московская книга «Ильязд в портретах и зарисовках» (Авт.-сост. Режис Гейро; [пер. с фр. М. Лепиловой]. М.; Paris, 2015) или каталог «Ильязд. XX век Ильи Зданевича: Брийен. Вийон. Гино. Джакометти. Миро. Ноай. Пикассо. Рибмон-Дессень. Сюрваж. Хаусман. Эрнст: из частных и музейных собраний России и Франции» ([Каталог выставки 15 декабря 2015–14 февраля 2016 года] / [Сост. Б. Фридман]. М., 2015) не указываются, но зато дается очень интересная дата и место завершения работы над предисловием: Белград, 11 февраля 2016. Понятно, что, завершив в Белграде работу над предисловием, С. Кудрявцев еще мог успеть на закрытие выставки Ильязда в Москву. Но почему, однако, он выбрал именно столицу Сербии в качестве места, где его посетило закатное вдохновение? Ответ и здесь достаточно ясен: именно в Белграде состоялась та таинственная конференция, на которую не успел доклад автора рецензируемого сочинения.

Конференция состоялась, насколько помнится, в 2012 году, а в 2013 вышел сборник ее материалов «Дада по-русски»². На фоне уже сказанного стоит взглянуть на то, как «образованные» и «филологи» приватизируют по отдельности писателя-художника-типографа-скульптора, которого автор рецензируемого сочинения решил у них отобрать и вернуть необразованному и филологически не подготовленному российскому читателю. Каково же содержание сборника? Его стоит привести для того, чтобы понять: а существуют ли эти прихвизаторы, о которых мы только что читали?

Итак: сборник открывается иллюстрированной и прокомментированной по-английски биографией Ильязда 1894–1975, написанной Франсуа Маире безо всяких делений на периоды, виды творчества великого «Все»'ка и т.д. Затем — биографическая хроника и библиография Ильяздовой типографики, книг и изданий по-французски. А затем статьи: Е. Бобринской (Москва) «Футуризм и всечество в теоретических работах Ильи Зданевича», Л. Магаротто (Венеция) «Илья Зданевич: от итальянского футуризма до драматической пенталогии», Ю. Герчук (Москва) «Типографические опыты Ильи Зданевича и наборная графика русских футуристов и конструктивистов», О. Буренина-Петрова (Цюрих) «Уличная цирковая афиша в книготворчестве Ильи Зданевича», М. Chikharadze (Tbilisi) «Tbilisi Avant-Garde and Iliia Zdanevich», Т. Никольская (Санкт-Петербург) «Грузинские реалии в творчестве Ильи Зданевича»; П. Казарновский (Санкт-Петербург) «Роман как свидетельство очевидца искусства из тупика, или «перевернутый» способ как конструктивный подход Ильязда», Л. Кацис (Москва). «Роман Ильи Зданевича «Философия» как Философия (А. В. Карташов, о. Сергей Булгаков, А. Ф. Лосев и др.)», Л. Кацис, М. Одесский «Авангард в контексте балканского и карпатского вопросов. Пьеса «Янко крУль ал-

² Дада по-русски. Белград / Ред.-сост. Корнелия Ичин. Белград, 2013.

бАНской» (1916–1918) и роман «Философия» (1930) Ильи Зданевича», К. Ичин (Белград) «Илья Зданевич — адресат стихов Бориса Поплавского», В. Фарбер (Вена — Киев) «Искусство во второй степени. К вопросу интертекстуального присутствия Ильи Зданевича и Алексея Крученых в творчестве Игоря Терентьева», В. Гречко (Токио) «К лингвистико-психологической характеристике зауми Ильи Зданевича», В. Фешенко (Москва) «Графолалия Зданевича-Ильязда как художественный эксперимент (по материалам рукописей и выступлений 1910–1920-х гг.)», М. Мейлах (Санкт-Петербург) ««аснОва письма слухавАя». Об орфографии Ильязда: «аслаблИчья. питЕрка дЕйств»»³, С. Преображенский (Москва) «Роль личности в истории социолекта (олбанская канонизация круля албанского — продолжение следует)».

Итак, ничего из того, что мы прочли в предисловии С. Кудрявцева, в реальной жизни места не имеет. Работа идет. «Все»'ка Зданевича⁴ все изучают и в целом, по отдельности, и вместе. Вызывает недоумение и тот факт, что каталоги типографики и иконологии Ильязда изданы тиражом по 1000 экз., тираж «Философии» 1500 экз., тираж книги С. Кудрявцева 500 экз., а тираж белградской книги, продававшейся в «Фаланстере», 300 экз. Количества сопоставимые. Сюда еще можно добавить неожиданный и интереснейший сборник Института славяноведения РАН «Янко Лаврин и Россия» (М., 2011), вышедший тиражом 200 экз., где есть масса материала о герое главной заумной Дра Зданевича и журнале «Бескровное убийство», породившем «Янку Круля», да и о самом протагонисте Дра. Понятно, что мы не пытались исчерпать всю библиографию Ильязда. Достаточно назвать хотя бы работы покойного С. Сигея,

³ К сожалению, эта работа осталась нам недоступной. Как и наши работы ее автору.

⁴ Ср. очередное издание С. Кудрявцева: *Илья Зданевич. Футуризм и всечество в 2-х тт.* М., 2014. Но это и впрямь «дореволюционный» Зданевич.

публиковавшиеся в «Russian Literature» (Amsterdam) и т.д. Но оказалось так, что всего этого С. Кудрявцев не знает или не хочет знать.

И все-таки, не следуя логике Кудрявцева по отношению к коллегам, попробуем понять, что дает нам его новая книга хотя бы по сравнению не только с тем, что было в первом издании тома «Философия футуриста» в 2008 г., но и на фоне современной науки об Ильязде. Прежде всего, скажем сразу, большая часть книги — иллюстрированное издание расширенного «краеведческого» комментария к «Философии» 2008 г. Он, действительно, начат до ее издания и связан с ней.

Здесь появились иллюстрации, интересные фотографии, примеры редких денежных купюр, которые обменивались в Константинополе времен пребывания там Ильязда. В приложении приводится предисловие (публикуемое впервые) к каталогу этих банкнот или бон, который составили Ильязд и П. П. Жемчужин. Кроме того, приводятся чертежи и цитаты из текстов Ильязда с описаниями и обмерами христианских святынь на турецком берегу Черного моря, которыми тогда и занимался великий авангардист. Есть и перевод с английского языка совместной статьи И. Зданевича и его друга-соавтора-корреспондента «Мусульманские беженцы в Малой Азии». Есть в книге и документы о работе Зданевича в Счетном отделе Железнодорожного департамента американской благотворительной организации Near East Relief, созданной в 1915 году для помощи пострадавшим от турецкого геноцида армянам.

Вообще говоря, автор книги стремится во всем верить Ильязду, что в его описаниях цели своих путешествий по воюющему Кавказу, причем и во время Мировой войны, когда Ильязд был корреспондентом «Речи» и ее кавказского филиала, и при частой смене разного рода властей в этом регионе, и тогда, когда, уже пытаясь напечатать свой роман в СССР в 1920-е, и позже, празднуя 50-летие русского футуризма в 1962 г., аккуратнейшим образом подчеркивает,

что покинул Петроград до октября 1917, а Тифлис до февраля 1921, то есть до момента, как пишет С. Кудрявцев, когда войска советской России заняли территорию независимой Грузии (С. 44).

В принципе, все, что предшествует приезду героя «Философии» в Константинополь достаточно близко к комментариям 2008 г. Но вот начиная с пути в город Кудрявцев начинает настойчиво избегать всего, что появилось о романе в печати с 2008 г., в частности, касающееся самого трагического пути с одного, ставшего уже советским, берега Черного моря на другой. Описание самого пути дается по письмам упомянутому Прайсу, повесть о котором предшествовала «Философии» и частично использована в романе. Разумеется, и такой способ комментирования возможен. Однако существуют и куда более близкие по точности и яркости описания, и главное, столь объемные, как в «Философии» описания беженского пути в Константинополь. Это, в частности, дневники о. Сергия Булгакова, которые использовались в нашей статье. Однако С. Кудрявцев приводит все, кроме них. Ниже мы покажем, что это и многое другое, не случайно, а напрямую связано с попыткой исключить из комментария к «Философии» массу работ, опубликованных, в числе прочего, и в «Исследованиях по истории русской мысли» и автору книги известных. Это, собственно говоря, и объясняет место публикации нашей рецензии.

Однако картина рецепции Ильязда к 2016 году, описанная В. Кудрявцевым, поразительно напоминает один текст 2008 года: «Существует немало априорных суждений о Зданевиче-Ильязде. Первые мемуаристы описывают его как беспардонного модерниста, пропагандиста итальянского футуризма в России и поклонника Маринетти, вполне усвоившего вкус к провокации. (...) Трудно себе представить, что такой жестокий приверженец войны как «гигиены мира» вскоре станет защитником турецких окраин, занятых российскими войсками, что сторонник разрушения соборов и увлеченный исследователь древних кавказских

и византийских храмов — один и тот же человек. (...) Еще одна характеристика Зданевича может нанести ущерб правильному представлению о нем. Выступая как драматург, поэт, прозаик, искусствовед, организатор вечеров и балов, художник и, наконец, как издатель небывалых для своего времени книг (...), он может оставить впечатление человека, который за все берется, но не имеет точного вкуса, не нашел своего пути и философии»⁵.

Понятно, что далее Режис Гейро, насколько нам помнится, участник Белградской конференции по Ильязду, убедительно, а для 2008 года и удивительно легко разбивает эти представления. Но почему все это надо делать С. Кудрявцеву в 2016 году (!) да еще в специальной книге? Для того чтобы это понять, надо обнаружить принципиальную разницу между комментарием к книге Зданевича 2008 г. и книгой С. Кудрявцева 2016 г., завершенной в Белграде, а изданной, между тем, в Москве.

Наиболее заметные вставки в комментарий к «Философии» связаны с двумя моментами. Во-первых, это большой кусок о деятельности в Константинополе и Париже разведчицы Елены Феррари по статье Л. С. Флейшмана о ней, подробности о сотрудничестве Ильязда в качестве то ли секретаря, то ли референта сотрудников Советского посольства в Париже в 1924 году, а во-вторых — исключительно интересный текст из «Философии», который связан с идеей принятия героем романа Ислама, но представленный в книге С. Кудрявцева как манифест самого реально-го Ильи Зданевича, в целом к религиям, как указывается там же, безразличного.

Более того, даже, кажется, понятное название романа — «Философия» толкуется С. Кудрявцевым в духе борьбы с премудростью и в защиту своеобразно понимаемой

⁵ Р. Гейро. Предисловие // Илья Зданевич [Ильязд]. Философия футуриста. Романы и заумные драмы. С приложением доклада И. Зданевича «Илиазда» и «Жития Ильи Зданевича» И. Терентьева. М., 2008. С. 7–9.

С. Кудрявцевым «мудрости»: «И в названии самой вещи, «Философии», конечно, звучит признание в любви к храму Св. Софии. Но это признание относится не к его многовековому символу, величественному и влиятельному, который, как и всегда, оказывается в руках военных, коммерсантов, агитаторов и прочих «философов», а к совершенству мудрости ее архитектурных форм» (С. 156). Хорошо звучит сочетание «военных, коммерсантов, агитаторов» и «прочих “философов”» (о смысле этого презрительного термина мы еще поговорим) в сочетании с любовью к формам без содержания «фИло СофИи»!

Насчет коммерсантов мы сказать ничего не можем. Эти красоты стиля остаются на совести автора книги. А вот о «военных, агитаторах и “прочих философах”» сказать обязаны. Они названы в нашем тексте, опубликованном в материалах белградской конференции и затем в «Исследованиях по истории русской мысли»⁶. Дело в том, что наиболее яркие материалы как раз о военных, агитаторах и «прочих философах» появились в этом издании. Н. Самовер⁷ были собраны и опубликованы статьи и речи видного русского «прочего философа» и церковного деятеля и, возможно, даже агитатора (но никак не «коммерсанта») А. В. Карташова.

Религиозный философ, министр исповеданий Временного правительства, военный агитатор (и это всерьез) увидел в гниющих русских солдатах, живущих под постоянной угрозой расстрела и других наказаний на Принцевых островах, будущее некоей русской армии и довольно тоталитарного государства. Более того, этими «фИло Софами» оказались философы мало кому до недавних пор известного крайне

⁶ Л. Кацис. Роман Ильи Зданевича «Философия» как Философия (А. В. Карташев, о. Сергей Булгаков, А. Ф. Лосев и др.) // Исследования по истории русской мысли [10]: Ежегодник за 2010–2011 год / Под ред. М. А. Колерова и Н. С. Плотникова. М., 2014. С. 361–401.

⁷ Н. Самовер. Галлиполийская мистика А. В. Карташева // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник на 1998 / Под ред. М. А. Колерова. М., 1998. С. 319–396.

правого «Братства Святой Софии», куда входили почти все мало-мальски значимые «прочие философы», представители русского религиозно-философского возрождения.

Именно сопоставления высказываний разного рода философов в «Философии» и оказались поразительно похожи на совсем недавно, лишь на рубеже тысячелетий, опубликованные протоколы «Братства Святой Софии». Поэтому-то осведомленность в деятельности подобных организаций в 1920-е годы в Праге и Белграде с Парижем, вплоть до практически дословного цитирования их никому не доступных протоколов, и вызвала наше предположение о том, что то ли секретарь, то ли референт-переводчик Советского посольства в Париже Илья Зданевич был не только историком архитектуры или заумником, но «прочим сотрудником» соответствующих служб. В это вполне укладывается и странная и опасная деятельность по «необходимому» именно в боевых условиях обмеру древних памятников — и до появления советской власти, и после, и вне ее, и сотрудничество с американской благотворительной организацией, помогавшей убиваемым Турцией армянам, но никак не отраженной в «Философии».

Здесь стоит привести один небольшой кусочек мемуаров Н. Я. Мандельштам, с другого, советского, берега, где описывается небольшой эпизод, связанный с давним соратником заумника Зданевича⁸ акмеистом Осипом Мандельштамом:

«В двадцать первом году мы ехали с Мандельштамом в Тифлис в вагоне Центроэвака. Кроме вагона, предоставленного «начальству», к Тифлису полз целый теплушечный поезд, забитый работниками, которым предстояло расселить и трудоустроить армянских беженцев из Турции. В теплушках ехали обыкновенные работяги. Им, надеюсь, удалось

⁸ Ср., например, афишу доклада Зданевича о Наталье Гончаровой в Санкт-Петербурге от 31 марта 1914 года, где планировалось выступление в диспуте и О. Мандельштама (С. 15).

что-то сделать для трагических армянских толп, а наш вагон внушал сомнения. В нем ехали начальник, художник Лопатинский из «Мира искусства», которому неизвестно почему поручили такую невероятно сложную работу, и кучка его друзей, получивших мандаты Центроэвака на командные должности. Лопатинский когда-то служил под началом Мандельштама в Комиссариате просвещения. Оба ничего не делали и боялись сердитой секретарши-большевички, возмущавшейся, что двое бездельников спасают почему-то церковный хор и совершенно не думают о классовом подходе. Хорошо, что они хоть не разорвали школу.

Из Киева мы выехали в надежде попасть в такой же поезд, но возглавляемый Раскольниковым и направляющийся в Афганистан. В Москве выяснилось, что на эту авантюру мы опоздали, и мать Ларисы Рейснер сказала, что Раскольников уперся и, несмотря на все настояния жены, ни за что не соглашался взять «поэтишку». Вместо Мандельштама он захватил Никулина. Сейчас я понимаю, что все к лучшему, но тогда огорчилась, а Мандельштам нисколько, хотя поездка была бы отдыхом от бедствий невероятных голодных лет. Он сказал, что судьба его хранит, чтобы он не путался в Афганистанские интриги Раскольниковых, и принялся искать оказию на Кавказ. Случайно на улице он встретил Лопатинского, узнал про центроэваковскую экспедицию и привел его к нам. Мы жили у моего брата и кормились оладьями из муки, привезенной из Киева. Накормили и Лопатинского, славного человека, и тут же решили ехать с ним. До Ростова мы плелись в теплушечном поезде, а там Лопатинский взял нас в начальственный вагон, на котором висела надпись: «Для душевнобольных». Эта надпись спасала от напора толпы на всех промежуточных станциях⁹.

Это о том самом армянском вопросе, которым занимался Зданевич в американской благотворительной организации,

⁹ *Н. Мандельштам*. Вторая книга. М., 1999. С. 37–38.

но который заметили Н. Я. и О. М. Мандельштамы («Здесь в Нагорном Карабахе...») и не заметил Зданевич. Кстати, гора Хачкар, на которую поднимался Ильязд, по-армянски значит «Каменный крест».

Мы привели этот отрывок из мемуаров достаточно полно, так как он с противоположного и очень хорошо знакомого Зданевичу берега Черного моря показывает слишком близкий по кажущемуся безумию и авантюризму параллельный и синхронный пример к как бы безумным путешествиям Ильязда. Вот маршрут Мандельштама: Москва — Киев — Тбилиси и даже (несостоявшийся, но вполне вероятный) Кабул!

Случайностей и здесь немного. Организация, где работал подчиненный Мандельштама по Наркомпросу, продолжала деятельность совершенно аналогичной комиссии с чрезвычайными полномочиями по эвакуации Петрограда, которая занималась перевозкой ленинского правительства в Москву. Отсюда неслучайность близких отношений О. Мандельштама с секретарем Совнаркома РСФСР и, соответственно, личным секретарем Ленина — Горбунова, у которого поэту приходилось жить.

Не менее интересно, что мы можем оценить, причем с взаимно-футуро-формалистической стороны, и то, что значит быть то ли секретарем, то ли пресс-атташе советского посольства в те годы. Таким человеком был всемирно известный филолог и поэт-заумник, вполне известный Ильязду, Роман Якобсон. То, с каким упорством пыталось от него избавиться чешское правительство, и то, как он пытался организовать визит президента Масарика в Москву под прикрытием юбилея Академии наук, давно описывается, говоря по-современному, под тегом «Разведывательная спираль Якобсона». Нет никаких оснований считать, что деятельность Зданевича хоть чем-то отличалась от деятельности и Якобсона, и его друга Виктора Шкловского в Берлине начала 1920-х.¹⁰

¹⁰ Об этом см.: Л. Кацис., М. Одесский. Славянская взаимность. Модель и топика. Очерки. М., 2011. С. 201–232: «Маяковский и Якобсон в Праге

Однако попытки избежать упоминания «Братства Святой Софии» в связи и с Константинополем, и со Зданевичем глубже, чем можно подумать. В нашей статье было показано, что сведения Зданевича о деятельности этого крайне антисоветского братства касались того периода, когда с ним пытались наладить контакты деятели евразийства. Движения, как известно, полностью контролировавшегося и пронизанного агентами ГПУ. Судя по протоколам, деятели «Братства Святой Софии» наотрез отказались иметь дело с евразийцами как раз по указанной выше причине. Но сами познания на эту тему, как раз после Кламарского раскола евразийцев, спровоцированного ГПУ, и отразившиеся в «Философии», впечатляют.

Вот именно для того, чтобы «отвести» читателей Зданевича-«Все»ка от этих неприятных мыслей, и написана книга С. Кудрявцева. Причем целая главка в ней посвящена событию, никак не отраженному в «Философии». Со слов Л. С. Флейшмана¹¹, долго и подробно излагается история с тараном личной яхты генерала Врангеля в константинопольском порту. К ней-то и имела отношение Еле-

(1927)». Эта глава следует непосредственно за главой «Авангард в контексте балканского и карпатского вопросов. Пьеса «Янко круль албанский» (1916–1918) и роман «Философия» Ильи Зданевича (1930)» — С. 167–200). Понятно, что соседство тут не случайно. Попутно заметим, что наши статьи на эту тему публиковались в Белграде (*Л. Ф. Кацис, М. П. Одесский*. Авангард в перспективе геополитики и политологии. Роман И. Зданевича «Философия» и идеология «славянской взаимности» // Научные концепции XX века и русское авангардное искусство. Белград, 2011. С. 283–293) и явно были известны С. Кудрявцеву. Теперь уже для полноты картины добавим работу о «дореволюционном» Зданевиче и вновь в политическом контексте: *Л. Кацис*. «Бескровное убийство» в Первую мировую войну (к анализу писем О. И. Лешковой к М. В. Ле-Дантю 1916 г. о первой постановке «Янко круль Албанский» // Русский авангард и война. Белград, 2014. С. 122–131.

¹¹ *Л. Флейшман*. Поэтесса-террористка // Л. Флейшман. От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006. С.125–146.

на Феррари, но, кажется, не имел отношения Зданевич. Все их контакты имели место уже в Париже, где разведчица была уже резидентом. Но ведь именно тогда Зданевич и пытался стать «попутчиком», как называли в СССР не очень своих, но сочувствующих деятелей искусства. За это Зданевича даже открыто презирали соратники, что есть и в книге С. Кудрявцева. В любом случае, в 2006 году, когда вышла эта статья Л. Флейшмана, она не была нужна С. Кудрявцеву.

Нам уже приходилось говорить, что вся попутническая литература в СССР существовала в 1920-е годы единственно для того, чтобы периодически демонстрировать белоэмигрантскому «Тресту», выдуманному большевистской разведкой, невероятную силу подпольной оппозиции в стране победившего социализма¹². И именно в годы расцвета этой деятельности, которой занимались и ЛЕФ, и Литературный центр конструктивистов, Зданевич и пытался напечатать в СССР свой роман «Восхищение».

Пожалуй, хватит. Несложная игра в поддавки, которой занимается С. Кудрявцев, размышляя в Белграде о том, что делать со Зданевичем в Москве, более подробного описания не заслуживает. Для него Зданевич должен быть героем примитивной левацко-либеральной легенды, которая редуцирует вполне известное греческо-русское слово «Философия» до примитивного тартуско-семиотического формализма. Чтобы в этом не было сомнений, приведем цитату, призванную опровергнуть нашу, и ничью иную, точку зрения, впервые выраженную в Белграде и затем — в Москве. Добрые академические правила предписывают делать это с приведением цитат из супостата, а не исподтишка. Мы могли бы поступить, как С. Кудрявцев, но не сделаем это. Нам важно, чтобы коллеги знали обе

¹² Л. Кацис. Из жизни интеллигентов советской эпохи: А. Г. Габричевский как «агент» Н. С. Трубецкого // Исторический вестник. Т. 9. М., 2014. С. 214–229.

точки зрения, чтобы научная работа была научной работой, а не фигой в кармане.

С. Кудрявцев пишет, не скрывая своих целей, о названной госпоже из ГПУ: «Было бы заманчиво думать, что эта «футуристка с девятью пальцами», как ее называл упомянутый эмигрантский журналист, стала одним из прототипов разведчиков в прозе Зданевича — вездесущего беспалого турка или скрывавшегося под поэтической маской советского резидента (...) А может быть, она стала еще одним источником использованных в романе Ильязда сведений? Тогда следовало бы сделать допущение, что к 1929–1930 годам, то есть еще до сенсационных разоблачений Чебышева, писатель уже знал или догадывался об основной работе поэтессы, а для этого пока нет веских оснований. Хотя если о ее секретном поручении еще в Берлине узнали Горький и Ходаевич, то почему этот факт должен был представлять тайну для Шкловского и Зданевича?» (С. 151). Воистину!

Достаточно вспомнить о деятельности В. Шкловского в загадочной берлинской конторе «Совэспортфильма» или о довольно прямых связях Горького с советскими структурами, вылившимися в написание очерка «Владимир Ильич Ленин» и вызвавшего стойкое отторжение в эмигрантских кругах, как риторический вопрос С. Кудрявцева станет риторическим ответом на его же недоумение.

А вот чуть более раннее высказывание, вызывающее в памяти как раз фиги в кармане в «научных» работах тартуских семиотиков: «Любопытно отметить, что если идея большевистского мятежа в Константинополе, хоть он и не был осуществлен на практике, имеет под собой определенную историческую подоплеку, то явно вымышленная сцена в мечети, где «философы» с картонным оружием изображают героев времен князя Олега, довольно точно обращается к будущему (!? — это от слова «футурист»? — Л. К.), к *нашим временам* (курсив Кудрявцева. — Л. К.) — когда в захватнических операциях используют солдат без знаков различия, действующих по возможности без применения оружия.

Расследующий в романе дело с ряжеными полковник Робертс признает: «Очевидно, что устроители этого исторического шествия пытались избежать каких бы то ни было намеков на вооруженное восстание» (с. 130).

Кажется, что сегодня можно и без подобных примеров «контролируемого подтекста» выражать свое отношение к событиям в Крыму и на Украине. Поэтому деятельность тартуских шести-, семидесятников вполне простительна. А вот не понять метафору, когда Философы, не имеющие никого оружия в принципе, организуют шествие не на Константинополь, а в Константинополе, куда они, как и неназываемый о. Сергей Булгаков, прибыли как беженцы, а — если указать и учесть наше предположение о «Братстве Святой Софии», — унесли результаты своих размышлений в Прагу, Париж и Белград, то процитированная пошлость не понадобилась бы. Надо просто уметь читать художественный текст, и все.

Теперь, чтобы наша рецензия имела не только научно-воспитательный, но и академический характер, добавим кое-что к сведениям из нашей белградско-московской статьи о романе «Философия». В числе прочего, мы там анализировали связь между цитатами из «Сказок об Италии» Горького, стихов Маяковского и отголосков полемики Горького с А. Ф. Лосевым по поводу «Диалектики мифа» в широком контексте евразийской полемики и в СССР, и за границей. Специально при этом анализировался отрывок из «Диалектики мифа» как раз о Святой Софии. Напомним, что вся эта полемика велась на текстах и подтекстах из «Врага с Востока» В. Соловьева. В свою очередь, Зданевич описывал ситуацию с Константинополем как уничтожение ветром с Запада врага с Востока. Теперь мы можем с уверенностью сказать, что евразийцы, явно хорошо знакомые «философу» Зданевичу, поняли Лосева правильно.

Вот что пишет в недавней монографии, вышедшей в серии «Исследования по истории русской мысли» Е. Тахо-Годи: «Если в конце 1910-х — начале 1920-х годов Лосев оста-

вался в тени своих старших современников, то выход его восьми книг в конце 1920-х годов сразу же поставил его имя в один ряд с крупнейшими представителями русской философии и вызвал к нему неподдельный интерес в русских эмигрантских кругах самой разной ориентации — от «ветеранов» «Вех» до евразийцев: вслед за Франком появляются две рецензии В. Э. Сеземана (об отношении евразийцев к Лосеву мы еще скажем, хоть и кратко, в дальнейшем) в журнале «Версты» и газете «Евразия», а в период с мая 1928 г. по март 1929 г. Лосев начинает фигурировать и в редакционной переписке журнала «Современные записки»¹³. И далее: «Любопытно, что в том же году, когда вышла в Харбине книга Устрялова, в журнале “Тридцатые годы”, выходящем в Париже, появилась работа примыкавшего в это время к евразийскому движению В. Н. Ильина “Эйдетическое преобразование науки”, в которой В. Н. Ильин “фактически повторяет многие основные идеи Лосева (правда, без упоминания автора)». «Обративший внимание на текстовые сходжения работы В. Н. Ильина и лосевской “Диалектики мифа”, Р. Вахитов считает, что “речь нужно вести скорее о движении евразийцев и Лосева в схожем направлении (тем более, что и исходные точки у них общие — на евразийцев, как и на Лосева, большое впечатление произвели еще в ранний период творчества русский религиозный платонизм и феноменология Гуссерля)” и что “вряд ли можно говорить о простом заимствовании этих идей у Лосева”, так как “в период написания этой статьи Ильин” вряд ли мог читать “Диалектику мифа” “в силу того, что большая часть ее тиража была уничтожена”. «Не вдаваясь в обсуждение, с нашей точки зрения, достаточно спорного утверждения “о движении евразийцев и Лосева в схожем направлении” и о признании евразийцами “русского религиозного платонизма” (старую философскую “гвардию” — о. Сергия Бул-

¹³ Л. Тахо-Годи. Алексей Лосев в эпоху русской революции: 1917–1919. М., 2015. С. 51, 295–296.

гакова [которого так избегает С. Кудрявцев. — Л. К.], Н. Бердяева — евразиец Н. С. Трубецкой именуют в своих письмах начала 1920-х годов не иначе, как “гримзами”, упрекая Г. В. Флоровского в “гримзомании”), посмотрим на этот факт с другой точки зрения: в конце 1920-х годов Устрялов живо интересуется евразийским движением, о чем свидетельствуют его письма к П. П. Сувчинскому, а именно в это время на работы Лосева обращают внимание евразийцы. В 1928 г. в “Верстах” появляется рецензия В. Э. Сеземана на лосевскую “Философию имени”, а следом в еженедельнике “Евразия”, выходящем под редакцией Льва Карсавина, на “Диалектику художественной формы”, где автор признается, что эта книга, как и “Философия имени”, и “Античный космос и современная наука”, вызвала у него “смешанное впечатление”¹⁴.

Неудивительно, что в итоге этих рассуждений появляется и имя Р. О. Якобсона. Таким образом, Лосев, заподозренный нами в подтексте «Философии» с ее евразийско-тютчевскими коннотациями, занял теперь в контексте и романа «Философия», и в исследовании «на воздушных путях» перекличек между метрополией и эмиграцией свое законное место. Ведь платоник-соловьевец Лосев описал Святую Софию именно так, как описали бы ее участники шествия с картонными мечами, которые, напомним, никого и ничто не захватывали.

Мы понимаем, что там, где не успевший на историческую конференцию по творчеству Ильязда, которого он вместе с Р. Гейро столько издавал (и это заслуживает благодарного упоминания), С. В. Кудрявцев пытается открутить ленту времени в обратном направлении, туда, где об Ильязде почти никто ничего не знал. В лучших традициях ахматово-манделштамово-хлебниково-хармсоведов 1960–1970-х годов, которые ссылались, а кто еще жив, ссылаются только на себя и своих ровесников, автор рецензируемой

¹⁴ Там же. С. 127.

книги пытается заставить всех ссылаться только на себя, оставив себе в сотоварищи только Р. Гейро и Т. Никольскую, кстати, участницу белградского сборника. Но это попытка с негодными средствами. Это только в представлении публикатора время движется от Константинополя 1920-х к Крыму 2010-х. На самом деле и время, и наука движутся совсем в других направлениях. Но С. Кудрявцев остается верен себе уже десятилетия. Поэтому стоит напомнить историю публикации в «Исследованиях по истории русской мысли» нашей статьи о «Трактате о сплошном неприличии» создателя «Жития» Ильязда, приложенного к публикации «Философии», еще одного великого заумника Игоря Терентьева.

Однако стоит теперь сказать, чего нет в книге С. Кудрявцева по сравнению с комментарием к «Философии». Нет здесь описания еврейских районов Константинополя, которые есть и в романе, и в старой книге. Не будем скрывать, что в их комментировании пришлось поучаствовать и нам, что можно узнать из той же книги. Но районы эти выкинуты потому же, почему не захотелось С. Кудрявцеву помнить о С. Булгакова. Уж очень грубо антисемитскими были его дневники крымско-константинопольских лет. Поэтому-то и стал автор книги убирать уже и «Братство Святой Софии», превращая роман «Философия» в роман «Археология», а это не одно и то же. Однако слишком большую осведомленность Ильязда в делах, интересовавших советскую разведку, продемонстрированную нами, девать теперь было некуда. Тут и понадобилась история с Феррари.

А теперь кое-что из археологии истории авангарда. Давным-давно, ровно за 10 лет до выхода в свет «Философии», издавал С. Кудрявцев «Терентьевский сборник». Есть там и две наши работы¹⁵, входившие в большой цикл «К семантике футуристического текста». Так вот в нем под номером

¹⁵ Л. Кацис. «О женской красоте» А. Крученых (К семантике футуристического текста. II) // Второй Терентьевский сборник. М., 1998. С. 75–95;

П фигурировал текст, который С. Кудрявцев печатать отказался. Это «Трактат о сплошном неприличии» Игоря Терентьева», опять же «К семантике футуристического текста». Этот текст анализировался на фоне В. Соловьева, И. Канта, З. Фрейда, В. Розанова (включая антисемитские тексты) и т. д. Тогда мы удивились нежеланию включать именно терентьевский текст в «Терентьевский сборник». Сегодня, через почти 20 лет после всего этого, стало ясно: С. Кудрявцев — человек идейный, никакие идеи, расходящиеся с его личными убеждениями, он в печать под своим именем, редакцией и издательской маркой не пропускает. Однако «Исследования по истории русской мысли», в кавычках и без них, продолжаются. И этот текст, публикуемый в очередном Ежегоднике серии, лишнее тому подтверждение.